

Когда Ли Цинли произнес те слова, Ли Жуну едва исполнилось пять лет. Сопоставляя теперь даты и события, он понимал: это было именно в то время, когда Сюй Танхуэй несправедливо оклеветали и выставили за порог.

Его родители всегда были неисправимыми идеалистами, питавшими к академическим чертогам самые высокие ожидания и иллюзии. В памяти Ли Жуна отец запечатлелся смеющимся — открыто и весело; сам же мальчик тогда ничего не понял и не придал тем словам значения. Лишь сейчас он по-настоящему сумел прочувствовать состояние Ли Цинли в тот момент.

Позже отец описал случившееся лишь вскользь, обронив с легкой горечью: «Слова малого человека весят немного, и это прискорбно».

Но то, что он долгие годы не забывал Тётю Хуэй и помогал ей в меру своих сил, доказывало: та история навсегда осталась в его сердце незаживающей раной. Юноша не знал деталей, но представлял, насколько упрямым мог быть Ли Цинли. Сказав, что его голос ничего не значил, отец, вероятно, сделал всё, что было в его власти, но так и не смог достучаться до тех, кто принимал решения. Те люди — наставники, начальники, коллеги — наверняка обладали блестящим общественным статусом и впечатляющими научными достижениями.

Многие вещи были предопределены задолго до этого. Выбор его родителей всегда склонялся к тому, что «красивые узоры ран ничуть не хуже изысканных орнаментов». Юноша гордился ими, но сам не собирался идти той же тропой.

«К чему это одинокое геройство, если его некому оценить?»

На душу Ли Жуна внезапно снизошло спокойствие; всё раздражение и гнев бесследно испарились. Он поднял взгляд на дежурного, и в его глазах теперь читалась твердая, холодная уверенность:

— И что было дальше?

Охранник не понял вопроса:

— О чем ты?

— Доказательств не нашли, — ровным голосом пояснил Ли Жун. — И что же дальше? Студент извинился?

Охранник расхохотался, решив, что парень перед ним окончательно переучился:

— Да неужто ты и впрямь веришь, что она ни при чем? Подумай сам: что посторонней женщине делать в компьютерном классе Университета А? В интернете сидеть? В игрушки играть? Учиться, что ли? Не зря мы её подозревали. Само руководство университета приходило, допрашивали её — зачем, мол, заходила? А она ни в какую, молчит как партизан. Полиция её дважды забирала, и по-хорошему пробовали, и по-плохому — толку ноль. И что прикажешь делать?

Ли Жун холодно ответил:

— Может, она и правда зашла в интернет или просто почитать. Мало ли дел, никак не связанных с вашей кражей.

Дежурный оживился, его пальцы привычно забарабанили по столу:

— И не говори! Она всё заладила: не крала, дескать, только компьютером пользовалась, а что смотрела — никого не касается. Хоть бы оправдание дельное придумала, сказала бы, что сериал какой глядела, и то бы поверили.

Ли Жун прищурился, на его губах заиграла тень усмешки:

— Значит, настоящего вора так и не поймали. Руководство, должно быть, в ярости.

— Еще бы не в ярости! — охранник закатил глаза. — А раз злятся, значит, на нас отыгрываются. То отчеты пиши, то реформы проводи, то на собраниях сиди — замучили вконец. — Он внезапно вспомнил что-то еще и с силой ударил кулаком по столу. — Хех, а потом мы обнаружили, что эта баба здесь же, на площади, лотком торгует. Народу тут вечно тьма, шум, гам... В общем, психанул я и перевернул её прилавок. Сказал: еще раз придешь — снова переверну. После того и не показывалась.

Брови Ли Жуна сошлись на переносице, взгляд в мгновение ока стал ледяным.

Цэнь Сяо тут же перехватил его руку и, спрятав юношу за свою спину, произнес будничным тоном:

— Торговля в неподобающем месте действительно нарушает правила. На площади и впрямь слишком много старьевщиков.

Охранник, увидев в собеседнике единомышленника, охотно продолжил:

— Да всё это местные, беднота из округи. Раньше мы на них сквозь пальцы смотрели, да и студенты привыкли. Но раз уж она напросилась — из-за неё нам сверху прилетало, вот и пришлось на ней пар выпустить.

Тот понимающе кивнул:

— Похоже, дело не такое уж и крупное. В нашей школе тоже кражи бывали, но максимум, что делали — вешали объявление на доску. В Университете А, я смотрю, контроль куда серьезнее: старшекурсники говорят, что кураторы даже в общие чаты рассылку делали.

— Да если бы только в чаты! — пожаловался дежурный. — И на форумах писали, и в соцсетях, даже на официальном сайте вуза вроде что-то было. Может, проверка какая нагрелась, не знаю, раньше так не придирались. Подумаешь, вещь за пару тысяч... У нас тут телефоны по пять тысяч воруют, и то такого шума не поднимают.

Цэнь Сяо слегка сжал кулак Ли Жуна, успокаивая его, а другой рукой коснулся волос юноши, поправляя растрепавшиеся на ветру пряди.

— Я узнал всё, что хотел.

Кадык Ли Жуна дернулся. Он прикрыл глаза на мгновение, а когда открыл их, в них не осталось и следа былой вежливости. Он посмотрел на охранника в упор:

— Хочу сказать тебе напоследок одну вещь.

Тот смутно почувствовал неладное, но так и не понял, чем именно задел юношу.

Ли Жун чеканил каждое слово:

— У гневного храбреца клинок обнажен против сильнейшего; у гневного труса — против того, кто слабее.

Охранник расслышал всё до последнего звука, но не сразу сообразил, к чему это было сказано. Пока он осознавал, что его только что завуалированно оскорбили, Цэнь Сяо уже увёл Ли Жуна прочь.

Мужчина опустил взгляд на пачку дорогих сигарет на столе. Курево было первоклассным, но теперь почему-то вызывало лишь безотчетную досаду. Он сплюнул и замахнулся, чтобы отправить пачку в урну, но в последний момент пожалел — рука не поднялась. В сердцах он сорвал упаковку, нервно вытянул сигарету и закурил.

Отойдя от поста охраны, юноша зашагал так быстро, словно хотел убежать от собственных мыслей. Теперь он понимал, почему та торговка сказала, будто Тётя Хуэй уехала в деревню. Для неё Ли Жун был лишь случайным прохожим, в то время как Хуэй-йи — давней соратницей.

Она просто не хотела выставлять напоказ чужое позорное падение и нищету. Люди её поколения свято верили, что сор из избы выносить не стоит.

Ли Жун замер в самом центре площади, жадно хватая ртом воздух. Только когда легкие до отказа наполнились кислородом, он не выдержал и зашелся в резком, сухом кашле. Цэнь Сяо терпеливо ждал позади, а когда юноша успокоился, негромко спросил:

— Стало полегче?

Ли Жун кивнул, намеренно отводя взгляд от того места, где раньше стоял лоток Тёти Хуэй.

— У меня есть пара соображений, — продолжил Цэнь Сяо. — Готов обсудить?

Несмотря на гнетущую тяжесть на душе, юноша почувствовал, как внутри разливается тепло. Прежний Цэнь Сяо был иным: он привык командовать, не терпел возражений и часто вел себя слишком властно. Но в этой жизни Ли Жун всё чаще слышал в его голосе вопросительные интонации. Собеседник уважал его мнение и тщательно подбирал слова. Он намеренно искоренял в себе привычки, которые когда-то отталкивали Ли Жуна.

— Я тоже кое-что обдумал. Мне кажется...

— Пропажа внешнего диска — лишь предлог, — перебил его Цэнь Сяо. — На самом деле их интересует статья.

Ли Жун вскинул бровь. Он не сомневался в проницательности Цэнь Сяо, но такая точность в выводах всё равно требовала определенного единомыслия. Юноша горько усмехнулся:

— Не бывает таких совпадений. Стоило Тёте Хуэй появиться там, как у какого-то студента пропадает вещь, причем именно рядом с ней. Если взломать пароль к почте моего отца и проверить время отправки писем в редакцию, вычислить Тётю Хуэй не составит труда. Глупо было надеяться, что они станут уважать тайну личной жизни покойного.

— Но Цзян Вэйдэ уже прилюдно объявил, что статью Ли Цинли опубликовал Институт Хунсо, — заметил Цэнь Сяо. — Они не могут начать открытое расследование, поэтому и разыграли спектакль с кражей.

— И полиция вмешалась, и объявления во всех соцсетях, и рассылка по чатам... Даже охрана почуяла неладное. Очевидно, что кто-то намеренно раздувал этот пожар.

— Цель была не в поимке вора, — подытожил Цэнь Сяо. — Они хотели выманить того, кто отправил статью. Если этому человеку и впрямь небезразлична судьба Сюй Танхуэй.

Ли Жун покачал головой:

— К сожалению, я слишком расслабился за последнее время. Не следил за новостями Университета А и пропустил их «кампанию». Если бы не Цуй Минъян...

— Раз они до сих пор ведут пропаганду в чатах, значит, не уверены, что это был ты.

— Еще бы, ведь я всего лишь школьник... — Юноша осекся на полуслове, в его глазах на мгновение промелькнуло смятение.

Он хотел сказать, что статус старшеклассника — идеальное прикрытие, и никто не поверит, что он способен вести переписку с рецензентами научных журналов. Цэнь Сяо по логике должен был разделять это неверие, но почему-то он никогда не задавал лишних вопросов.

Тот не стал указывать на оговорку. Он лишь внимательно посмотрел на юношу и продолжил:

— Ты еще даже не переступил порог Университета А. Разумнее всего было бы затаиться. Сюй Танхуэй хоть и перенесла унижение, но серьезно не пострадала. Я могу подыскать ей место в магазине с большой проходимостью или помочь открыть свое дело — это в любом случае лучше, чем торговать с рук на площади.

Он специально добавил слово «разумнее», понимая, что в глазах Ли Жуна всё выглядит иначе. И юноша действительно улыбнулся. Цэнь Сяо вновь увидел тот взгляд, который был у Ли Жуна в ту ночь: глаза человека, сжимающего окровавленный клинок. Тогда юноша сказал, что с него хватит.

Ли Жун слегка приподнял голову. Прядь волос упала на лоб, открывая в лучах солнца его профиль — чистый и гладкий, словно из белого фарфора.

— То, что случилось десять лет назад, больше не повторится. Я — не мои родители.

<http://bllate.org/book/15351/1435448>